

Буферные зоны в мировой политике:
постановка проблемы

Буферные зоны в мировой политике: постановка проблемы

Аннотация

В статье автор рассматривает вопрос о значимости учета теоретического и практического опыта, представляющего перед исследователем при изучении проблематики буферных зон в современной мировой политике. Также на историческом примере балканского региона в начале XX в. анализируются специфика политических процессов в рамках буферных зон и основные факторы, способствующие их образованию.

Ключевые слова: буферные зоны, мировая политика, балканский регион.

Автор

Рыхтик Павел Павлович

Ассистент Межвузовского центра
по разработке концептуальных основ
и содержания гуманитарного образования
факультета социальных наук
Нижегородского государственного университета
имени Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

В ходе геополитических процессов (прежде всего в процессе складывания стратегических и политических союзов на стыке сфер влияния этих союзов) нередко оказываются определенные буферные зоны, по ряду факторов тяготеющие сразу к обеим геополитическим группировкам или же стремящиеся к нейтралитету. В конечном итоге эти ситуации приводят к возникновению острых противоречий и конфликтов между двумя и более полюсами силы и с вовлечением в них факторов внутри самих буферных зон.

В этой связи задачи разрешения подобных конфликтов, ввиду их масштабности, восходят на уровень глобальных политических процессов и институтов. Необходим учет всего теоретического и практического опыта, возникающего перед исследователем при изучении обозначенной проблематики.

Этимология самого слова «буфер» в целом интуитивно понятна. Изначально оно употреблялось в сфере, описывающей те или иные механические и технологические процессы, обычно при описании непосредственного функционирования тех или иных устройств, служащих для гашения или амортизации. Позднее, по принципу подобию, термин был условно перенесен на специфические явления, когда та или иная территория служит точкой пересечения двух и более сил. Или же на ней расположена некая третья сила, препятствующая соприкосновению двух полюсов, причем, скорее, в ситуациях, когда территория объективно «спасает» эти полюса от необходимости столкновения, что играет на руку одному из них, не имеющему возможностей противостоять сопернику, или обоим, в случаях, когда их силы тождественны и исход конфликта

мало предсказуем. Выражено это, например, в термине «буферное государство» [23].

Термин «буферная зона» в последние годы все чаще используется в активном лексиконе исследователей-политологов. Причем в большей степени это характерно для западных исследований. Там рассматриваются как в целом явления и процессы, возникающие вокруг буферных зон, без упоминания термина «буферная зона», так и те же процессы с прямым его употреблением. Такие упоминания можно найти, например, в известной работе З. Бжезинского «Великая шахматная доска» [4. — С. 124] или в сравнительно новой и недавно переведенной на русский язык работе Г. Мюнклера «Империи. Логика господства над миром» [14]. В отечественной научной литературе, посвященной политологическим проблемам, данный термин практически не употребим. Более того, в известной степени отсутствует теоретическая база, которая бы объективно описывала термин с научных позиций или же просто вводила его в научный оборот. Более или менее схожее явление и связанная с ним проблематика, обозначенная термином «лимитроф», описывается в работах В. Л. Цымбурского [24].

Возникает вполне закономерный вопрос: существует ли тогда острая необходимость в изучении этого термина в рамках отечественной политической науки без банального и излишнего «умножения сущностей»? Причин для положительного ответа на этот вопрос как минимум две.

Во-первых, при употреблении термина западные исследователи ссылаются на процессы, так или иначе связанные с Россией в контексте ее современного (Мюнклер) или относительно недавнего (Бжезинский) геостратегического положения. Этот факт сам по себе побуждает наших исследователей как минимум к вступлению с ними в открытый диалог, а быть может, и в полемику по данным вопросам с использованием этого термина в том или ином ключе. В полной мере это

будет возможно лишь при условии проработки в отечественной политологии собственной точки зрения на проблематику буферных зон, а также появления четких трактовок данного термина.

Во-вторых, несмотря на малый интерес к данному понятию в отечественной науке, в русскоязычной публицистике и в СМИ на пространстве СНГ термин употребляется, и употребляется он в последние годы все чаще. Это связано, например, с процессами во внешней политике России вокруг событий в Украине или в Сирии [3]. Причем за редким исключением [12] термин обычно используется в откровенно негативном контексте, и авторы предпочитают открыто противостоять процессам превращения тех или иных территорий в буферные зоны. Это само по себе также побуждает нас к объективной и всесторонней работе над означенной проблемой со строго научных позиций.

По мнению автора, показательным примером буферной зоны в истории российской политики может служить ситуация, сложившаяся вокруг балканского региона в 1902–1914 гг. Следует отметить, что сама обозначенная тема в течение длительного времени имеет определенную актуальность в нашей историографии, и проводившиеся исследования всегда открыто отмечали, что политика великих держав здесь велась не «tete-a-tete» по схеме: «Великая держава — балканский регион/отдельное государство», но всегда с учетом присутствия третьих сил [5. — С. 67]. По сути, в то время это было именно полем борьбы великих держав, а политика в отношении отдельных государств региона на этом фоне имела меньшее значение. Известное исключение, но лишь отчасти, здесь представляет только политика Российской империи и Австро-Венгрии.

Первая мировая война имела куда более масштабный характер, нежели какая-либо, проходившая ранее. Она вовлекла в противоборство многие страны. По сей день отголоски тех событий зани-

Буферные зоны в мировой политике: постановка проблемы

мают значительное место в исторической памяти людей [11]. В начале XX в. правительство каждой из ведущих европейских держав осуществляло подготовку к масштабной войне. Одним из ключевых аспектов вышеозначенной подготовки для Российской империи был поиск союзников, способных совместно с ней осуществлять борьбу против Тройственного союза. Совершенно логично, что в орбиту российской политики попадали балканские страны, населенные преимущественно южнославянскими народами, а именно: Сербия, Черногория и Болгария. Симпатии и убеждения массы населения этих стран, как считали в Главном штабе России, всегда традиционно к ней тяготели [18. — С. 30–43].

Балканский регион в 1902–1914 гг. не представлял собой единое целое, а скорее некую группу разобщенных и слабо тяготеющих друг к другу территорий. Складыванию подобной ситуации способствовал целый ряд факторов, без рассмотрения и учета которых проблематично понять все особенности данного региона и, главное, особенности политики, проводимой великими державами в означенный период. Эти же факторы, в свою очередь, определили становление балканского региона как буферной зоны столкновения интересов великих держав и преобразование его в «пороховой погреб Европы».

Прежде всего рассмотрим фактор географический. На юго-восточной оконечности Европы сильно выдвигается из материка крупный Балканский полуостров. В геологическом рельефе на территории полуострова доминируют горы, от Динарского нагорья до гор Пелопоннеса и нагорий Болгарии. Само название Балканского полуострова идет от турецкого «Balkan», или «большая, высокая горная цепь, поросшая лесами» [13. — С. 32]. Причудливыми изгибами горных цепей образуются также редкие равнины, обычно по окраинам полуострова и в межгорных котловинах. Таким образом, между различными землями полуострова возможно уста-

новление каких-либо сухопутных связей лишь через небольшое количество узких горных перевалов, а порой и невозможно вообще. Контроль над этими путями позволяет небольшому государству с пусть даже малочисленной армией вести длительную и успешную оборону против превосходящих сил неприятеля. Примеров подобному в предшествующий период история для нас сохранила много, от обороны Фермопил в период Греко-персидских войн до боев за Шипкинский перевал в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. С точки же зрения завоевателя контролировать горные территории гораздо сложнее, нежели пространство равнин. Крупнейшая судоходная река — Дунай, протекает на севере региона и, будучи удобной торговой артерией, завязывает на себя экономически все земли, выходящие к ней. Факт практически полного отсутствия в 1903–1914 гг. на Юге больших судоходных рек и слабого развития морской инфраструктуры, прежде всего крупных оборудованных портов, а также достаточного количества железных дорог, напротив, не позволял связать данные территории в единую экономическую зону.

Здесь выделяется следующий фактор — экономический. Ценные полезные ископаемые встречаются редко. Основной статьей производства и экспорта балканских стран в это время выступают продукты сельского хозяйства [16. — С. 46–54]. Согласно общим законам экономики на сельскохозяйственном рынке практически отсутствуют условия для появления крупного монополиста, способного подчинить себе экономически всех прочих, тем самым крайне слабы тенденции к естественному складыванию внутреннего рынка. Это может быть навязано лишь действием «сверху». Кроме всего прочего, в 1902–1914 гг. Балканы являлись регионом, куда активно вывозился европейский капитал [16. — С. 26–35], и в этой ситуации капиталистическим странам становилось гораздо выгоднее поддерживать

разобщенность отдельных балканских стран, для проведения более удачной экономической экспансии.

Далее рассмотрим историко-культурный фактор. С точки зрения цивилизационного подхода в истории Балканский полуостров предстает уникальной контактной зоной. Здесь встречаются и переплетаются культуры сразу трех полюсов: европейского протестантско-католического, евразийского православного, лидирующие позиции в рамках которого с конца XV в. стала занимать Россия [7. — С. 18–45], и ближневосточного мусульманского. Таким образом, здесь в ходе своего исторического развития формировались целые религиозно-культурные анклавы, многие из которых сохраняются по сей день [8. — С. 5]. Подобная культурная эклектика, конечно, не могла не привести к складыванию ряда принципиальных и подчас неразрешимых противоречий, образующих в конечном итоге множество центробежных сил в различных областях региона. Кроме того, это стало благодатной почвой для проведения различных спекуляций с целью массовой агитации и манипулирования общественным мнением. На сравнительно небольшой территории Балканского полуострова проживает множество как южнославянских (сербы, словенцы, болгары, черногорцы, боснийцы, македонцы), так и тюркских народов, а также албанцы, греки, румыны и венгры. Размытые этнические границы дают возможность радикально настроенным политическим силам, как правило, националистического толка выступать с грандиозными популистскими проектами «великих» национальных государств, «великих» Болгарии, Албании, Сербии, Черногории и так далее. Не удивительно, что сегодня, когда каждое государство региона является национальным (исключение Босния и Герцеговина), в каждом из них существуют подобные движения и на просторах сети периодически возникают карты будущих «великих» держав [25]. Об опасности таких явлений в вопросе раз-

жигания межнациональных распрей писал С. Г. Кара-Мурза в своем труде «Манипуляция сознанием» [9. — С. 62–65]. И сегодня, когда на Балканах сохраняется очаг международной напряженности, и в начале XX столетия этот фактор имел большое значение в рамках балканской буферной зоны. Во-первых, национальный вопрос часто выступал ключевым в деле формирования балканской политики ведущих держав, прежде всего Австро-Венгрии и Российской империи [20. — С. 98–99]. И, во-вторых, в различных ситуациях и при грамотном использовании его различными политическими кругами как самих балканских государств, так и ведущих держав, он достаточно быстро мог менять свое значение деконсолидирующего фактора на прямо противоположное, то есть служить делу всебалканского единства.

Далее следует остановиться на факторе политическом. В конце XIX в. от начинающей ослабевать Османской империи на Балканах отделяются ее национальные окраины, и в итоге образуется ряд новых национальных государств. Кажется абсолютно естественным, что перед новыми государствами остро встал ряд следующих задач. Во-первых, отстаивание своей независимости, вплоть до вооруженной борьбы за нее. Во-вторых, продолжение борьбы с турецким игмом и расширение собственных территорий. Здесь по вопросу разделения территорий дряхлеющей Порты между самими молодыми странами существовали определенные противоречия, а их неразрешенность в 1913 г. привела к развязыванию Второй балканской войны за передел отошедших Болгарии территорий. И, в-третьих, в условиях постоянного сильного влияния ведущих держав на политику балканских государств последние были вынуждены в силу своего шаткого положения прибегать к стратегии лавирования между двумя военно-стратегическими блоками, принимая дивиденды с обеих сторон и обеим сторонам же посылая обещания о дружбе и сотрудничестве. Ибо оконча-

Буферные зоны в мировой политике: постановка проблемы

тельный альянс с одной из сторон повлек бы неминуемое полное подчинение малого государства интересам и влиянию этого блока, вплоть до полной потери независимости. Ярким примером подобного развития можно считать Черногорию. Вплоть до Боснийского кризиса 1908–1909 гг. князь Николай метался меж двух полюсов, с появлением же угрозы австрийской экспансии он был вынужден пойти на подписание военного соглашения с Россией [18. — С. 476].

И, наконец, последним рассмотрим уже несколько затронутый геополитический фактор. Именно на рубеже XIX и XX вв. он проявился наиболее остро и стал значительно влиять на балканскую политику как Тройственного союза, так и Тройственного соглашения. Каждая из ведущих держав Европы имела свои геополитические интересы на Балканах. Так, для Германии контроль над балканским регионом и обеспечение прямых путей сообщения с Турцией через Австро-Венгерскую территорию открывали стратегический простор для экспансии на подконтрольные Британской империи территории Ближнего Востока, Северной Африки и в дальнейшем — Индии. Италия видела в ослабленной Турции объект своей прямой военной экспансии как в Африке, так и на территории Балкан [21. — С. 9–25]. В условиях усиления Германии и России для Австро-Венгрии в начале XX в. южный путь экспансии останется последним и единственно возможным. Великобритания, в свою очередь, стремилась к сохранению своих колониальных владений и недопущению германского доминирования на Балканах. Франция проводила политику охраны своих кредиторов и экономических концессий на Балканах с параллельным расширением экономической экспансии [16. — С. 13–38]. Двум последним державам, таким образом, были более выгодны разделенные, но сильные балканские страны как заслон на пути окончательного складывания германско-турецкого союза.

Подводя итог, стоит особо отметить, что по состоянию на начало XX в. балканские страны были крайне разобщены главным образом в сфере своей внешней политики. Румыния, находящаяся под управлением проавстрийски настроенного Карла I Гогенцоллерна все сильнее в этот период вовлекалась в орбиту влияния держав Тройственного союза. Особой конвенцией, о подписании которой Главному штабу было известно, она обязалась помочь им своими военными силами, а потому относилась к числу врагов России. Отношения славянских государств полуострова в это время были осложнены прошедшей недавно Сербско-болгарской войной, к тому же отмечалась общая неустойчивость политики Сербии и Болгарии. По-настоящему «верным другом» России в донесениях Главного штаба 1903 г. называется лишь «маленькая геройская Черногория» [18. — С. 30–45].

К настоящему моменту можно выделить два основных пути образования буферных зон. Это, к примеру, отделение части от прежде целого в политическом смысле объекта (Сербия, Черногория, отделившиеся от Османской империи). Иной путь предполагает постепенное расширение границ полюсов силы, взаимное пересечение сфер их влияния и образование здесь препятствующей прямому столкновению буферной зоны. Так, в 2013–2015 гг. проникновение американского влияния на Ближний Восток, связанное с поддержкой определенных политических сил в регионе, встретило противодействие со стороны Российской Федерации, выраженное в поддержке оппонентов проамериканских группировок [1, 2].

В целом выявлены следующие особенности политики полюсов силы в буферных зонах.

Во-первых, прослеживается очень высокая роль дипломатических корпусов или же, как в случае с Черногорией, военных миссий из полюсов силы на политику региона. На предварительном этапе, до

того, как будет пройдена точка невозврата и буферная зона больше не сможет выполнять сдерживающей функции в конфликте, это значимое поле борьбы именно дипломатов, стремящихся поставить регион как можно в большую зависимость от своего полюса силы или же всеми средствами стремящихся сохранить статус зоны именно как буфера, предохранителя, в случаях, когда конфликт абсолютно не выгоден их стране. Так, русский военный агент Н. М. Потапов, работавший в Черногории с 1903 по 1915 г., проводил на русские средства широкомасштабные военные реформы, надеясь создать препятствие на южном пути экспансии Австро-Венгрии. Кроме того, Н. М. Потапов пользовался большим влиянием при черногорском дворе, и при его участии удалось убедить короля Николая Петровича подписать выгодное для России военное соглашение, вплоть до 1912 г. подчинившее черногорскую армию русскому Главному штабу, а главное — позволившее противодействовать усилению здесь австро-венгерского влияния.

Во-вторых, что в принципе проистекает из предыдущего пункта, у полюсов силы есть прямая возможность воздействовать на геополитические процессы именно через буферную зону, в зависимости от степени их влияния здесь. Так, например, в создании всебалканского союза под эгидой Российской империи министр иностранных дел С. Д. Сазонов видел возможность противостоять в региональном и глобальном измерении силам Тройственного союза. К сожалению, проект союза стал невозможен из-за разразившихся Балканских войн 1912–1913 гг. и их, унижительных для Болгарии и Турции, итогов. Это, в свою очередь, указывает на такую отличительную черту практически любой буферной зоны, как значительная острота и сила внутренних конфликтов.

В-третьих, здесь наблюдаются уникальные прецеденты смешения часто, казалось, несовместимых элементов характерных для одного полюса силы и не-

приемлемых для другого. Примером может служить проникновение в Боснию и католической, и православной конфессий и закрепление их в среде правящей элиты и зависимого населения, соответственно. Подобные случаи представляют прямой научный и практический интерес.

В-четвертых, прослеживается особое специфическое восприятие буферной зоны у проживающего здесь населения. Здесь по-особому и не всегда типично работает, например, механизм реакции по типу «свой — чужой», что затрагивает уже и узко психологические вопросы, и, отчасти, проблематику из области политической психологии. Народонаселение буферной зоны, а точнее его образ, вмещает в себе черты, присущие одновременно обоим соседствующим и конкурирующим полюсам. Не важно, образует ли народонаселение такой зоны третью малую социокультурную общность или нет, в отношении этого народонаселения, как правило, не происходит однозначной реакции по формуле «свой — чужой», а в отношении всей зоны, соответственно, не происходит четкого понимания, является ли она враждебной или дружественной. Получается, что люди, населяющие данную территорию, в представлении жителей одного из полюсов силы не являются в полной мере «своими», но и называть их однозначно «врагами» невозможно. Так, император Австро-Венгрии Франц-Иосиф I был ярким противником идей «триализма», воплощение которых на практике было призвано существенно обновить политическую систему дряхлеющей империи, расширив права ее славянского населения [20. — С. 414]. Это сопротивление было связано, отчасти, с нежеланием большей части правящих элит Австро-Венгрии пошатнуть свое собственное положение [16. — С. 25–26], отчасти, с их нежеланием осознавать формальное равенство славян с австрийскими и венгерскими подданными империи [20. — С. 416–418].

В-пятых, пока полюса силы относительно равны между собой, а буферная

Буферные зоны в мировой политике: постановка проблемы

зона выполняет свои функции амортизатора, идет некий «период паритета», равновесия. Однако стоит одному из полюсов усилиться в достаточной мере, у него мгновенно пропадает нужда в подобном амортизаторе, и если конфликт ему выгоден или необходим, он не заставит себя долго ждать и отправную точку найдет, скорее всего, именно на пространстве уже бывшей буферной зоны. Изменение механизмов контроля над буферной зоной служит первым сигналом для полюсов силы и малых акторов внутри буферных зон начинать подготовку к конфликту или же активировать деятельность своих дипломатических миссий, для восстановления

статуса буферной зоны как зоны-предохранителя теми или иными путями. Следует отметить также, что в современных реалиях решающее значение имеет наличие у ведущих держав ядерного оружия, а, следовательно, и невозможность превзойти соперника по своей мощи. В этом случае конфликты на территории буферных зон обычно приобретают перманентный характер, так как имеют целью получение полного контроля над сферой влияния, чему активно сопротивляется конкурент.

Таким образом, проявляется практический аспект изучения данной проблематики.

Литература

1. A bombing in Ankara moves Turkey closer to a fight with Syria-and Russia // The Economist. — 2016. — feb. 19. — URL: <http://www.economist.com/news/europe>. (дата обращения: 18.05.2016).
2. Gordon M. Russia surprises U. S. with accord on battling ISIS / M. Gordon // International New York Times. — 2015. — sept. 27. — URL: <http://www.nytimes.com/2015/09/28/world/middleeast>. (дата обращения: 23.10.2015).
3. Stratfor: Россия устроит беспорядки в Прибалтике // Вести сегодня. — Stratfor: Россия устроит беспорядки в Прибалтике. № 54. — Рига, 2014.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы.) М., 1998.
5. Вишняков Я. В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. — М.: МГИМО-Университет, 2012.
6. Государственная ограда // Esquire. 2015. 30 ноября. — URL: <https://esquire.ru/frontier>. (дата обращения: 18.01.2016).
7. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю. В. Попкова. — Новосибирск: Нонпарель, 2010.
8. Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Пороховой погреб Европы. — М.: Вече, 2000.
9. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М.: Изд-во: Эксмо, 2005.
10. Леван Бодзашвили. Запад идет на уступки для сохранения мира, но мир не устанавливается, напротив, возрастает угроза широкомасштабной войны // Svobodnaya.info. 2015. 16 февраля. — URL: http://svobodnaya.info/index.php?option=com_content&view=article&id=7069:2015-02-16-11-54-30&catid=42:politics&Itemid=85. (дата обращения 3 мая 2016).
11. Михайлова Н. День победы в Лондоне. — URL: http://9mayinlondon.co.uk/index.php?option=com_content&view=article&id=12&Itemid=19. (дата обращения 10 февраля 2013).
12. Молдова и Приднестровье могут решить конфликт, став на Днестре «буферной зоной мира» между Востоком и Западом // Infotag.md 2014. 17 июня. — URL: <http://www.infotag.md/interview/189680>. (дата обращения 3 мая 2016).
13. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. 1-е изд. — М. — Мысль, 1984.

-
14. Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / Пер. с нем. Л. В. Ланника, под ред. Т. А. Граблевской; коммент. и вступ. ст. Л. В. Ланника — М.: Кучково поле, 2015.
  15. Призрак бродит по Европе... // Business-gazeta.ru 2014. 3 марта. — URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/98586/>. (дата обращения 3 мая 2016).
  16. Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. — М., Изд-во Наука, 1985.
  17. Плотников Д. С. «Европейский фактор» в российско-украинских отношениях // Arg administrandi. — 2013. — № 4.
  18. Потапов Н. М. Русский военный агент в Черногории. Том 1. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. — М.: Подгорица, 2003.
  19. Русин А. О. Буферная Украина Самиздат 2014. — URL: http://samlib.ru/r/rusin_a_o/bufernayaukraina. (дата обращения: 02.10.2015).
  20. Русско-словенские отношения в документах (XII в. — 1914 г.) — М.: Древлехранилище, 2010.
  21. Рябинин А. Малые войны первой половины XX века. Балканы. — М: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003.
  22. Сыздыкова Ж. С. Большой Ближний восток в глобальной политике США // Армия и общество. — 2013. — № 5.
  23. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Е. Яценко, 1999. — URL: <http://www.slovarnik.ru>. (дата обращения: 5 сентября 2015).
  24. Цымбурский В. Л. Россия — Земля за великим лимитрофом: Цивилизация и геополитика. М., УРСС, Изд. 2, 2010.
  25. Ымперцы // Луркмор. — URL: <https://lurkmore.to/Ымперцы>. (дата обращения: 12 января 2012).